

У ТЕЛЕЭКРАНА

ПОРТРЕТ

ПЕВЦА

Телевизионная камера не-редко солит оперному певцу сурьое испытание. Рассчи-танное на восприятие в усло-виях театрального зала, его исполнение, в особенности ми-мика, необходимость преодоле-вать вокальные трудности,— все это, укрупненное оптикой, порой наносит восприятию му-зыки с экрана невосполнимый урон.

Но вот лет десять назад на телевизионном экране стал появляться оперный певец, который уже не выступает на оперной сцене и лишь изредка — на концертной. И постепенно становилось очевидно, что телевидение открыло еще одну страницу в его творче-ской жизни. Не только пото-му, что аудитория певца уве-личилась во много раз, но и потому, что именно домашний экран позволил лучше уви-деть некоторые характерные особенности его артистическо-го облика.

Это — Иван Семенович Коз-ловский.

Камера щадит Козловского ничуть не больше, чем других оперных певцов. Она не скры-вает ни его возраста, ни его более короткого — по сравне-нию с прежним — дыхания.

Но все это отступало перед значимостью художнической личности. Козловский — хра-нитель традиций нашей музы-кальной культуры и худож-ник, продолжающий их раз-вивать. В своем лице он свя-зыывает «век нынешний и век минувший». Важнее всего ока-зилась та внутренняя значи-тельность, одухотворенность, что наполняет его пение. И когда со сцены Большого театра передавали концерт Коз-ловского, где он, высокий, стройный, в рыцарском одея-нии, пел арию Лоэнгрина. И когда показывали его выступ-ления на празднике в Михай-ловском посреди огромной поляны и в стенах Святогор-ского монастыря — там он пел романсы, песни, исполнял спе-шу Юродивого из оперы «Бо-рис Годунов». И на съемках во время грамзаписи.

Стоит напомнить, что дол-гое время партия Юродивого считалась в опере Мусоргско-го второстепенной, пока ее на сцене Большого театра в 1927 году не спел Козловский, вернув роли то значение, ко-торое она имела у Пушкина. Юродивый в исполнении Коз-ловского стал носителем народного этического идеала. Наивный и прозорливый, он судил венценосного правителя России.

Телевизионный экран позво-лил увидеть совсем близко его глаза — простодушные в сцене с Борисом — «нельзя молиться за царя-ирида...», полные страдания в предчув-ствии бед, надвигавшихся на Русь.

Было еще нечто, в «дотеле-визионное» время хорошо из-вестное только друзьям и близким певца, а сидящими в зале — на расстоянии сце-

ны — скорее лишь угадывае-мое. Эту черту Козловского режиссер Ю. Завадский в те-лефильме о певце определил как доверчивость души, дет-скую открытость. И она так-же в полной мере проявилась на телевизионном экране.

Возможно, поэтому Козлов-ский так любит петь с детьми, относясь к ним как к млад-шим партнерам, менее опыт-ным и потому нуждающимся в его участии и деликатной поддер-жке.

С начала 70-х годов на телевизионном экране как со-ставная часть передачи или телефильма стал появляться фрагмент кинохроники воен-ного времени, где перед фрон-товиками Козловский поет «Темную ночь». А сегодняш-ний Козловский не без юмора рассказывает, что пел в спо-койном неведении о прибли-жающихся немецких самоле-тах; узнал он об этом уже потом, когда кончил петь.

Одну композиционную часть такого фильма составляет хро-никальная пленка военных лет — запечатленная реаль-ность того времени. Другую — сегодняшнее свидетельство очевидца, удостоверяющего подлинность того, что мы видели, и вместе с тем высказы-вающего в той или иной мере свое сегодняшнее отношение к тому, что снято на пленке. В данном случае было и на что посмотреть, что послушать и над чем подумать.

Козловский пел на лесной поляне, под деревом, акком-панируя себе на гитаре; кро-гом расположились бойцы. Он пел «Темную ночь» иначе, чем ее первый и самый извест-ный исполнитель — Бернес. Лиризм Бернеса был мужест-вен и сурьёзен, Козловского — мягок и нежен.

И в этой простоте и есте-ственности, с которой Козлов-ский держится перед бойцами и перед объективом хрони-кальной кинокамеры, в его чуткости к душевным потреб-ностям своих слушателей (не-многие оперные певцы удо-стаивали своим вниманием эстрадную песню, так же как и эстрадная песня оказы-валась подвластной очень не-многим оперным певцам) — тоже истоки нынешнего «фе-номена Козловского».

Характерно, что Козлов-ский отказывается сниматься под заранее записанную фоно-грамму — прием, которым пользуются многие оперные певцы на телевидении. Ведь певец мог бы использовать старые записи, когда его го-лос звучал «молодеж». Но для Козловского пение — не просто извлечение красивых звуков. Это духовный про-цесс, где вокальное слито с артистическим и где каждое новое исполнение никогда не повторяет предыдущее, ибо он всегда в движении, в разви-тии.

Г. ТРОИЦКАЯ.

Кандидат

искусствоведения.